

4. En attendant Bébé – Protection de la santé sur le lieu de travail – Travaux interdits // informaternite.ch. – Mode of access: https://www.informaternite.ch/en_attendant_bebe/protection_de_la_sante_sur_le_lieu_de_travail/travaux_interdits. – Date of access: 02.05.2024.
5. List of banned professions for women: who can not work according to the law // moneyinstruct.com. – Mode of access: https://moneyinstruct.com/7804-list-of-banned-professions-for-women-who-can-not-work-according-to-thelaw/?ysclid=lpwhvd3yj94830801#google_vignette. – Date of access: 02.05.2024.

УДК 347.627

ДИСКУССИЯ О ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ БРАКОРАЗВОДНЫХ ДЕЛ В РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Н. В. Денисенко

*Учреждение образования «Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины», Республика Беларусь*

Научный руководитель А. П. Грахоцкий

В Российской империи брак православных подданных заключался в церкви в соответствии с нормами того исповедания, к которому принадлежали супруги. Бракоразводные дела находились в компетенции духовных консисторий. Отсутствие гласности, применение формальной теории доказательств, длительность рассмотрения дел являлись характерными чертами бракоразводного процесса. Сделан вывод о том, что в научном дискурсе Российской империи конца XIX – начала XX вв. остро встал вопрос о необходимости передачи бракоразводных дел из духовных консисторий в светские суды.

Ключевые слова: брак, расторжение брака, духовные консистории, светские суды, бракоразводный процесс, законодательство, Российская империя.

DISCUSSION ABOUT THE JURISDICTION OF MARRIAGE CASES IN THE RUSSIAN LEGAL LITERATURE OF THE END OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

N. V. Denisenko

Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Republic of Belarus

Science supervisor A. P. Grahotsky

In the Russian Empire, the marriage of Orthodox subjects took place in the church in accordance with the norms of the confession to which the spouses belonged. Divorce cases were the responsibility of spiritual consistories. Lack of publicity, the use of a formal theory of evidence, and the length of time to consider cases were characteristic features of the divorce process. It is concluded that in the scientific discourse of the Russian Empire at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries the question of the need to transfer divorce cases from ecclesiastical consistories to secular courts became acute.

Keywords: marriage, divorce, spiritual consistories, secular courts, divorce proceedings, legislation, Russian Empire.

В соответствии с законодательством Российской империи Православная церковь являлась «первенствующей и господствующей». В связи с этим большое внимание в законодательстве уделялось регулированию брака лиц указанного исповеда-

ния. В статье представлена дискуссия о подведомственности бракоразводных дел православных подданных.

В Российской империи брак православных заключался в церкви в соответствии с нормами того исповедания, к которому принадлежали супруги. Расторжение брачного союза было возможно только при наличии определенных оснований. К таким основаниям относились: измена одного из супругов, импотенция («неспособность к брачному сожитию»), безвестное отсутствие, а также лишение всех прав состояния или ссылка в Сибирь с лишением всех особенных прав и преимуществ [1, ст. 223, 238].

Бракоразводные дела находились в компетенции духовных консисторий [1, ст. 148]. При этом решающая роль в рассмотрении дела принадлежала епископу, который мог вернуть дело на новое рассмотрение в случае несогласия с мнением консистории [1, ст. 328]. Отсутствие гласности, длительность рассмотрения дел являлись характерными чертами бракоразводного процесса. При производстве дел о расторжении брака вследствие измены одного из супругов применялась формальная теория доказательств. Все это привело к дискуссии о необходимости реформирования порядка рассмотрения дел о расторжении брака.

Вопрос о передаче бракоразводных дел в светские суды вызвал наиболее острую полемику среди ученых в конце XIX – начале XX вв. Это связано с недостатками бракоразводного законодательства, а также с проведением судебной реформы, которая однако не затронула процесс рассмотрения дел в духовных консисториях. Одним из сторонников передачи бракоразводных дел из духовных консисторий в светские суды выступал дореволюционный исследователь права А. Д. Способин, который в конце XIX в. писал: «Несостоятельность и недостаточность законоположений о разводе настолько выяснились, жизнь настолько настоятельно предъявляет свои требования, что та или другая реформа сделалась положительно необходима» [2, с. 1].

А. Д. Способин отмечал важность вопроса о том, какой суд будет рассматривать бракоразводные дела. Так, в состав духовного суда входило белое духовенство и монахи, которые не имели юридического образования, а следовательно, не могли решать дела по внутреннему убеждению, как это делали общие суды. Это обуславливало сохранение в духовных судах старого порядка судопроизводства [2, с. 178, 179]. Кроме того, монашество предполагает отречение от мира, а в духовном суде монахи вынуждены были рассматривать факты семейной жизни, оценивать обстоятельства, с которыми были незнакомы ввиду отсутствия такого жизненного опыта [2, с. 180]. При этом неудобство представлял тот факт, что лицам духовного звания приходилось рассматривать подробности супружеских измен и половой неспособности [2, с. 181].

А. Д. Способин отмечал, что поскольку в браке выделяют не только религиозный, но и другие элементы (физический, экономический и т. д.), то и развод не должен иметь значения только «как нечто, разрушающее религиозный элемент», поскольку он разрушал брак «во всем своем составе» [2, с. 143]. Следовательно, по мнению ученого, не было достаточных оснований при регламентации развода подчиняться «преимущественному влиянию религиозных воззрений» [2, с. 139–140]. Кроме того, с учреждением Святейшего Синода церковные органы стали частью государственного аппарата, а церковные служащие являлись в то же время государственными должностными лицами [2, с. 152]. Церковь судила бракоразводные дела не потому, что государство признавало самостоятельное право церкви на это, а потому, что оно считало более удобным передать эти дела одному из своих учреждений. При этом государство определяло порядок церковного судопроизводства, придавало решениям юридическую силу и определяло юридические последствия таких реше-

ний [2, с. 154]. В связи с этим, по мнению А. Д. Способина, церковь не имела права требовать сохранения в своей компетенции бракоразводных дел [2, с. 154].

Подчинение бракоразводных дел духовному суду было обусловлено пониманием брака как таинства, совершаемого с участием церкви, в связи с чем и прекращение этого таинства должно было осуществляться духовной властью [2, с. 138]. Однако, по мнению А. Д. Способина, это положение не имело под собой оснований, поскольку в духовном суде не совершалось никаких религиозных обрядов, которые символизировали бы прекращение брака. То есть консистории и Синод действовали не как церковные, а как судебные учреждения [2, с. 192]. Кроме того, ученый считал, что «развод, как институт юридический, не есть явление только жизни религиозной, ... религиозная сторона в нем далеко не преобладает, ... по существу своей он более тяготеет к жизни правовой, чем к жизни религиозной» [2, с. 190].

Выступая за секуляризацию бракоразводных дел и передачу их в компетенцию общих судов, русский публицист и философ В. В. Розанов указывал: «О секуляризации развода более и более начинают говорить под впечатлением картин семьи и разводного процесса, подробности которого известны только «мученикам развода», страдания которых по-видимому предназначены, чтобы угрожать всем нуждающимся в разводе и через то «охранять семью» [3, с. 208].

Среди ученых-канонистов также были сторонники передачи дел о расторжении брака из духовных консисторий в светские суды. Так, профессор церковного права Н. С. Суворов отмечал следующее: «...Ссылаться... на то, что брак есть таинство и, как таковое, может быть расторгнут только церковью, значит, допускать невозможную мысль, будто союз, оскверненный например, прелюбодеянием и взаимной ненавистью супругов, прибегающих к бракоразводному иску, продолжает служить образом таинственного союза Христа с Его церковью до самого момента постановления консисторского решения о расторжении брака, или даже до окончательного утверждения этого решения высшею инстанцией» [4, с. 317]. В качестве аргументов за передачу бракоразводных дел из духовных судов в светские Н. С. Суворов указывал то, что при рассмотрении дел о расторжении брака по неспособности к брачному сожитию, по причине ссылки и в связи с безвестным отсутствием не проводилось «судоговорения». Так, в делах о неспособности решающим являлось решение врачебного отделения губернского правления, в делах о разводе в связи со ссылкой – приговор суда о назначении наказания в виде ссылки, по делам о расторжении брака по причине безвестного отсутствия – сам доказанный факт безвестного отсутствия [4, с. 318].

Тем не менее встречались и резко противоположные точки зрения. Так, обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев не видел необходимости изменения подведомственности бракоразводных дел: «Какая... у нас надобность втискивать в гражданские суды предметы церковной юрисдикции, неразрывно связанные с вопросами церковного права, – когда наши церковные суды, состоя под непрерывным контролем гражданского правительства и с ним тесно связанные, сами по себе имеют значение и судов государственных? Нарушать их законную подсудность нововведениями, имеющими целью не что иное, как секуляризацию самой идеи брака, значило бы только вводить без нужды опасный соблазн в народные понятия, производить в умах раздражение, не имеющее смысла, и давать поводы к жалобам на государство, что оно отдало вопросы церковного права в руки людям, равнодушным к нему или иноверцам» [5, с. 108].

Таким образом, в научном дискурсе Российской империи конца XIX – начала XX вв. остро встал вопрос о необходимости изменения подведомственности бракоразводных дел. Так, А. Д. Способин, В. В. Розанов, Н. С. Суворов не считали необходимым оставление дел о расторжении брака в компетенции духовных консисторий. Состав духовных судов, в которых отсутствовали лица с юридическим образованием, сохранение в них старого порядка судопроизводства являлись аргументами за передачу дел из духовных консисторий в светские суды. Однако представители церковных органов придерживались другой точки зрения. Так, обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев не видел необходимости изменения подведомственности бракоразводных дел, поскольку они были «неразрывно связаны» с вопросами церковного права.

Литература

1. Устав духовных консисторий. – СПб. : Синод. тип., 1883. – 200 с.
2. Способин, А. О разводе в России / А. Способин. – М. : Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1881. – 204 с.
3. Розанов, В. Семейный вопрос в России / В. Розанов. – СПб. : Тип. М. Меркушева, 1903. – Т. 1. – 312 с.
4. Суворов, Н. Учебник церковного права / Н. Суворов. – М. : Печ. А. И. Снегиревой, 1912. – 531 с.
5. Победоносцев, К. П. Курс гражданского права : в 3 ч. / К. П. Победоносцев. – М. : Статут, 2003. – Ч. 2. Права семейственные, наследственные и завещательные. – 639 с.

УДК 341.9(476)

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ СУДЕБНОГО ПРЕЦЕДЕНТА КАК ИСТОЧНИКА МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

А. А. Захожая

*Учреждение образования «Белорусский торгово-экономический
университет потребительской кооперации», г. Гомель*

Научный руководитель Е. В. Савчик

Повышение роли и значения судебного прецедента как источника международного частного права в практике работы судебных органов Республики Беларусь свидетельствует о необходимости совершенствования правового регулирования отношений, осложненных иностранным элементом в частноправовой сфере. Предложен и обоснован новый подход к нормативному закреплению понятия, системы и порядка применения судебного прецедента как источника международного частного права в национальном праве Республики Беларусь.

Ключевые слова: источник права, международное частное право, нормативный правовой акт, практика правоприменения, судебные органы, судебный прецедент.

PROBLEMS OF APPLYING COURT PRECEDENT AS A SOURCE OF INTERNATIONAL PRIVATE LAW IN THE REPUBLIC OF BELARUS

A. A. Zakhzhaya

*Belarusian Trade and Economic University
of Consumer Cooperation, Gomel*

Science supervisor E. V. Savchik

The increasing role and importance of judicial precedent as a source of private international law in the practice of the judicial authorities of the Republic of Belarus indicates the need to improve the legal regulation of relations complicated by a foreign element in the private law sphere.